

К 80-летию со дня рождения Николая ОСТРОВСКОГО

ЖИЗНЬ-ПОДВИГ

В ПЕРВЫЕ о Николае Островском я услышал 50 лет назад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Во время одного из перерывов в фойе Колонного зала Горький сказал шедшему за ним фотографу: «Что вы за мной ходите? Сняли бы молодых!» Я попал в группу с Львом Кассилем, Виктором Гусевым, Леонидом Первомайским и Андреем Александровичем.

После того как фотограф, сбросив с головы покрывало, закрыл колпачком фотообъектив, Горький позвал меня и Кассиля в комнату за сценой, где сидели и беседовали самые юные участники съезда, пионеры-сибиряки, авторы коллективной книги «База курносых». Там в нашем присутствии Горький попросил Владимира Ставского упомянуть в своем докладе о книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Алексей Максимович, конечно, уже знал, что Ставский должен сказать об Островском, но, вероятно, хотел, чтобы об этом узнали и мы.

Поглядев на нас с Кассилем, Горький спросил: «Читали ли вы, друзья, первую часть этой книги, напечатанную в журнале «Молодая гвардия»? (Книга Островского тогда еще не была издана целиком, но Горький уже прочел ее в гранках.) Не помню, что ответил Кассиль, вроде пообещал, что обязательно прочтет. А я пробормотал: «Это, должно быть, о производстве, наподобие книги Николая Михайлова «В боях за металл!» Алексей Максимович улыбнулся: «Есть там и о боях за металл, о производстве и о боях за свободу, о гражданской войне. Есть и любовь, и романтика, и настоящие герои, в подлинном смысле этого слова... Этот молодой человек мне дважды родственен: и как литератор, и как бывший «кухонный мальчик». Только я мыл посуду в пароходном ресторане, а он в железнодорожном... Да и образовательный ценз у нас одинаковый — два класса. И еще он мне близок тем, что с «младых ногтей» пристрастился к чтению! Обязательно прочтите его книгу».

Уже после съезда писателей я слышал от Екатерины Павловны Пешковой, что Горький, прочитав книгу Островского, сказал: «Жизнь этого человека — живая иллюстрация торжества духа над телом!»

Об этом Екатерина Павлов-

на рассказывала не только мне, но и написала в письме к сестре Николая Островского Екатерине Алексеевне.

От сотрудников журнала «Молодая гвардия» я узнал, что Горький накануне съезда писателей благодарил их за то, что опубликовали «Как закалялась сталь».

Обо всем этом я писал давно в своих воспоминаниях о Горьком. Думаю, полезно вспомнить это сейчас, к 80-летию Островского...

Много интересного рассказывал мне об Островском прозаик Владимир Ставский, добрым словом упомянувший о нем в своем докладе. Один из руководителей Союза писателей, Ставский жил неподалеку от Островского, по соседству с переулком, который теперь носит имя писателя. Со Ставским я в последний раз встретился в 1943-м, на фронте. За день до гибели от пули фашистского снайпера он был у меня в землянке, и мы снова тепло вспомнили Николая Островского.

Много хорошего я слышал об Островском от старого друга, поэта Сергея Васильева, моего однополчанина по первым неделям Отечественной войны (в июле 1941 года).

И Ставский, и Сергей Васильев, и наш общий друг, один из первых комсомольских поэтов Александр Жаров, не раз звали меня в гости к Островскому, говорили, что он любит поэзию, знает меня по моим стихам и по их рассказам обо мне. Но я все откладывал приход к нему, забыв мудрую поговорку: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

В том, что Островский любит и понимает поэзию, я убедился еще в 1934 году по его отзыву о друге и соратнике А. Жарова поэте И. Уткине. В ту пору Уткина критиковали — и справедливо, и несправедливо. Но боевые комсомольцы верили в него. Их мнение выразил Николай Островский:

«Было время, когда Уткин, опоясанный патронташем, неплохо шел к боевой цели, и встречный ветер и пули пели ему свои песни... Я уверен, что Иосиф, один из поэтов первого поколения комсомолии, избрет единственный верный путь — сблизится с действительностью наших дней...»

Это высказывание Островского я вспоминал на фронте, читая бойцам «боевые листки» И. Уткина. В годы войны я убедился в устаре-

лости фразы: «Когда гремят пушки — музы молчат!» Музы не умолкали и вдохновляли воинов в самые трудные дни боев. Рядом со стихами в наших вещмешках лежали книги Горького и «Как закалялась сталь» Островского...

Да, книги Островского читали и во фронтовых землянках, и в госпиталях. И не только у нас. Вот что писал об Островском испанский поэт Хулио Матеу:

Он слушал с болью, радостью, тревогой: Кто в битве двух Испаний победит?

И дальше: Погиб Островский, но не бросил знамя, — Так пал Мадрид.

не покорен и прям! (Перевод Инны МИРОНЕР)

И у нас, и в других странах были партизанские отряды имени Н. Островского. На стройках послевоенных пятилеток работали и сейчас работают бригады его имени. Особым успехом и у фронтовой молодежи, и у современной всегда пользовались страницы из книги Островского о ранении Павла под Львовом и о встрече его с Тоней на строительстве узкоколейки. И, конечно, о его стойкости и силе воли в преодолении болезни. Эта стойкость вдохновила многих

«КАК

ЗАКАЛЯЛАСЬ

СТАЛЬ»:

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

фронтовиков-инвалидов, помогла им остаться в строю, помогает и гражданским инвалидам. Приведу один пример: Валерий Иванович Завьялов, родившийся в предвоенную пору инвалидом, научившийся ходить и говорить в шесть лет, сумел благодаря книгам «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке» преодолеть невзгоды, получил высшее образование, работает и сам написал прекрасную автобиографическую книгу «И невозможное возможно». Кстати, подготовить эту книгу к печати Завьялову помог писатель Марк Колосов, тот самый, который редактировал «Как закалялась сталь».

Так живет книга Островского сегодня. Живет, являясь частью нашей современной жизни.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ПЕРВЫМИ читателями книги «Как закалялась сталь» были комсомольцы 30-х годов. Они жили в удивительное время, когда был особо высок подъем революционного духа народа, когда каждый час происходило обновление жизни. «Кто был ничем, тот станет всем». Это был уже не лозунг, а реальность. Люди учились, учились всему — грамоте, профессии, новой жизни. В людях жило чувство гордости за свою страну и чувство собственного достоинства. В тридцатом году наша семья переехала из маленькой комнаты в купеческом доме в новый пятиэтажный дом на Красной Пресне, построенный рабочим кооперативом. Я хорошо помню счастливые лица родителей. Для них переселение в новый дом было тем реальным счастьем, которое дала революция.

Мы, мальчишки, хорошо знали, что это счастье было добыто нашими отцами в тяжелейших боях. По вечерам взрослые рассказывали о гражданской войне. События эти были еще свежи в их памяти. А на экранах кино как бы в подтверждение этих рассказов появлялись фильмы «Красные дьяволы», «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», которые мы смотрели по многу раз.

В середине тридцатых годов в нашей школе на Пресне появился роман «Как закалялась сталь». Мы читали его в классе вслух. С первых же страниц Павла Корчагина завладели нашими чувствами. Каждому хотелось быть похожим на него. Но при этом в нас рождалось горькое чувство, что мы опоздали родиться и в нашей жизни не будет места для подвига.

После занятий мы бродили по дворам старых домов на Красной Пресне, где когда-то шли революционные бои. Иногда находили стреляные гильзы, сломанные клинки. А однажды, копаясь в земле, нашли наган. Он, конечно, заржавел, барабан не поворачивался, но сколько чувств

он пробудил в наших юных душах, какие только картины не рисовало наше воображение! И так же, как Павел Корчагин, мы прятали наган в надежном месте.

Мы ошибались, думая, что в нашей жизни не будет места для подвига. Нам исполнилось шестнадцать, а кому-то семнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. И слова «как закалялась сталь» для нас

Павел Корчагин давал силу молодого вардеевца и Зое Космодемьянской, Александру Матросову и летчику Талалихину. Они, ровесники бойца гражданской войны Корчагина, продолжили его биографию в Великую Отечественную войну, они увековечили образ героического человека Советской страны.

После тяжелого ранения мне долго пришлось лежать в госпиталях. И снова Павла Корчагина. И опять, как тогда, в классе, читали вслух. Обычно к вечеру в нашу больничную палату приходила сестра Тоня, открывала затертую, старую книжку «Как закалялась сталь» и невысоким мягким голосом читала. Мы прислушивались к каждому слову, восхищались борьбой Корчагина с самим собой, тем, как он, казалось бы, в безвыходной ситуации смог одержать победу над своей нелегкой судьбой.

Это давало силу нам — покалеченным войной людям. Закончив чтение, мы подолгу рассматривали рисунок, на котором был изображен прикованный к постели Николай Островский, читающий свой роман друзьям, никогда не забывавшим его.

С книгой Островского «Как закалялась сталь» я сталкивался и после войны, когда работал корреспондентом «Правды» в Латинской Америке. На Кубе и в Чили знают эту книгу. Урокам мужества учились у нее повстанцы Фиделя Кастро, когда сражались против армии диктатора Батисты. Она была настольной книгой чилийских коммунистов. «Прочитай книгу, я почувствовал гордость оттого, что я коммунист», — написал чилиец Эрнесто Авилаес.

Книга «Как закалялась сталь» будет жить долго. Разные люди из разных стран будут тянуться к ней потому, что она раскрывает перед читателем не просто образ Павла Корчагина, но судьбу поколения, которое во все времена будет служить примером мужества, бескорыстия и верности революционным идеалам.

Василий ЧИЧКОВ

АРХИВ «ЛГ»

С ДРУЖЕСКИМ УЧАСТИЕМ

МНЕ ПОВЕЗЛО в моей юности: три великие книги — «Спартак» Джованьоли, «Овод» Войнич и «Как закалялась сталь» Островского — пришли ко мне одна за другой, в пределах одного послевоенного месяца, точно буря, сшибая наивные постройки детства, а я не жалел об этом. Строгие

словами, он показал, как следует поступать, чтобы жизнь обрела высокий смысл. И Спартак, и Артур были людьми своего, отдаленного от нас времени. Как подлинно чистые люди, эти герои, конечно, всеобщие, они обладают волшебным свойством преступать грани времени, из дальних времен приходя к

голетнее «прохождение» классики вырабатывает свои схемы, свой стереотип, как правило, отбрасывая вроде бы второстепенное. Но все дело в том, что в великих книгах нет второстепенного, все важно, все требует повышенного внимания и углубленного раздумья. И вот что я еще заметил, если гово-

Собственно говоря, в этом — величие великого. Книга Николая Островского не только формулирует высокие коммунистические нормы, но и бесконечно воспроизводит их в реальных судьбах, практически создает новую человеческую мораль.

Около двух десятилетий назад вместе с историком Вик-

не может быть идеальных героев, все, мол, мы грешны. Николай Островский был таким идеальным героем. Остается таким. Творчество писателя, конечно же, индивидуально, но когда я думаю об Островском, никак не могу представить его в одиночестве. В моем воображении он всегда

Горький позвал меня и Кассиля в комнату за сценой, где сидели и беседовали самые юные участники съезда, пионеры-сибиряки, авторы коллективной книги «База курносых». Там в нашем присутствии Горький попросил Владимира Ставского упомянуть в своем докладе о книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Алексей Максимович, конечно, уже знал, что Ставский должен сказать об Островском, но, вероятно, хотел, чтобы об этом узнали и мы.

Поглядев на нас с Кассилем, Горький спросил: «Читали ли вы, друзья, первую часть этой книги, напечатанную в журнале «Молодая гвардия?» (Книга Островского тогда еще не была издана целиком, но Горький уже прочел ее в гранках.) Не помню, что ответил Кассиль, вроде пообещал, что обязательно прочтет. А я пробормотал: «Это, должно быть, о производстве, наподобие книги Николая Михайлова «В боях за металл?» Алексей Максимович улыбнулся: «Есть там и о боях за металл, о производстве и о боях за свободу, о гражданской войне. Есть и любовь, и романтика, и настоящие герои, в подлинном смысле этого слова... Этот молодой человек мне дважды родственен: и как литератор, и как бывший «кухонный мальчик». Только я мыл посуду в пароходном ресторане, а он в железнодорожном... Да и образовательный ценз у нас одинаковый — два класса. И еще он мне близок тем, что с «младых ногтей» пристрастился к чтению! Обязательно прочтите его книгу».

Уже после съезда писателей я слышал от Екатерины Павловны Пешковой, что Горький, прочитав книгу Островского, сказал: «Жизнь этого человека — живая иллюстрация торжества духа над телом!»

Об этом Екатерина Павлов-

прозак Владимир Ставский, добрым словом упомянувший о нем в своем докладе. Один из руководителей Союза писателей, Ставский жил неподалеку от Островского, по соседству с переулком, который теперь носит имя писателя. Со Ставским я в последний раз встретился в 1943-м, на фронте. За день до гибели от пули фашистского снайпера он был у меня в землянке, и мы снова тепло вспомнили Николая Островского.

Много хорошего я слышал об Островском от старого друга, поэта Сергея Васильева, моего однополчанина по первым неделям Отечественной войны (в июле 1941 года).

И Ставский, и Сергей Васильев, и наш общий друг, один из первых комсомольских поэтов Александр Жаров, не раз звали меня в гости к Островскому, говорили, что он любит поэзию, знает меня по моим стихам и по их рассказам обо мне. Но я все откладывал приход к нему, забыв мудрую поговорку: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

В том, что Островский любит и понимает поэзию, я убедился еще в 1934 году по его отзыву о друге и соратнике А. Жарова поэте И. Уткине. В ту пору Уткина критиковали — и справедливо, и несправедливо. Но боевые комсомольцы верили в него. Их мнение выразил Николай Островский:

«Было время, когда Уткин, опытный патронташем, неплохо шел к боевой цели, и встречный ветер и пули пели ему свои песни... Я уверен, что Иосиф, один из поэтов первого поколения комсомолии, изберет единственный верный путь — сблизится с действительностью наших дней...»

Это высказывание Островского я вспоминал на фронте, читая бойцам «Боевые листки» И. Уткина. В годы войны я убедился в устаре-

Особым успехом и у фронтовой молодежи, и у современной всегда пользовались страницы из книги Островского о ранении Павла подо Львовом и о встрече его с Тоней на строительстве узкоколейки. И, конечно, о его стойкости и силе воли в преодолении болезни. Эта стойкость вдохновила многих

«КАК

ЗАКАЛЯЛАСЬ

фронтовиков-инвалидов, помогла им остаться в строю, помогает и гражданским инвалидам. Приведу один пример: Валерий Иванович Завьялов, родившийся в предвоенную пору инвалидом, научившийся ходить и говорить в шесть лет, сумел благодаря книгам «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке» преодолеть невзгоды, получил высшее образование, работает и сам написал прекрасную автобиографическую книгу «И невозможное возможно». Кстати, подготовить эту книгу к печати Завьялову помог писатель Марк Колосов, тот самый, который редактировал «Как закалялась сталь».

Так живет книга Островского сегодня. Живет, являясь частью нашей современной жизни.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

СТАЛЬ»:

ЭСТАФЕТА
ПОКОЛЕНИЙ

ем, которое дала революция. Мы, мальчишки, хорошо знали, что это счастье было добыто нашими отцами в тяжелых боях. По вечерам взрослые рассказывали о гражданской войне. События эти были еще свежи в их памяти. А на экранах кино как бы в подтверждение этих рассказов появлялись фильмы «Красные дьяволята», «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», которые мы смотрели по многу раз.

В середине тридцатых годов в нашей школе на Пресне появился роман «Как закалялась сталь». Мы читали его в классе вслух. С первых же страниц Павка Корчагин завладел нашими чувствами. Каждому хотелось быть похожим на него. Но при этом в нас рождалось горькое чувство, что мы опоздали родиться в и нашей жизни не будет места для подвига.

После занятий мы бродили по дворам старых домов на Красной Пресне, где когда-то шли революционные бои. Иногда находили стреляные гильзы, сломанные клинки. А однажды, копаясь в земле, нашли наган. Он, конечно, заржавел, барабан не поворачивался, но сколько чувств

ВОЙНА

завучали по-новому. Если раньше у нас вызывали восторг приключения Павки, то теперь — его мужество.

Мы уходили на фронт безбородыми розовощекими юнцами. И каждому из нас нужно было переступить какую-то невидимую черту, которая отделяла мирную жизнь от войны. А война требовала от человека тех самых качеств, которыми обладал Павка Корчагин. И невольно мы, молодые бойцы-комсомольцы тридцатых, сидя в сырых окопах под непрерывным вражеским огнем, возвращались к образу этого нестигаемого человека.

Именно во время войны стало очевидным, сколь велико для советской молодежи значение литературных героев, созданных писателями в 20—30-е годы: Павел Корчагин, Чапаев, парень из нашего города... Это они во многом определяли наши взгляды на жизнь, нашу ненависть к фашистам и неистребимую веру в победу.

своей нелегкой судьбой. Это давало силу нам — полкаленным войной людям, Закончим чтение, мы подолгу рассматривали рисунок, на котором был изображен прикованный к постели Николай Островский, читающий свой роман друзьям, никогда не забывавшим его.

С книгой Островского «Как закалялась сталь» я сталкивался и после войны, когда работал корреспондентом «Правды» в Латинской Америке. На Кубе и в Чили знают эту книгу. Урокам мужества учились у нее повстанцы Фиделя Кастро, когда сражались против армии диктатора Батисты. Она была настольной книгой чилийских коммунистов. «Прочитай книгу, я почувствовал гордость оттого, что я коммунист», — написал чилиец Эрнесто Авилес.

Книга «Как закалялась сталь» будет жить долго. Разные люди из разных стран будут тянуться к ней потому, что она раскрывает перед читателем не просто образ Павки Корчагина, но судьбу поколения, которое во все времена будет служить примером мужества, бескорыстия и верности революционным идеалам.

Василий ЧИЧКОВ

Иллюстрация Е. Кибрика к роману Н. Островского «Как закалялась сталь». С этим рисунком на обложке роман только что вышел в издательстве «Художественная литература» тиражом 1 млн. экземпляров.

МНЕ ПОВЕЗЛО в моей юности: три великие книги — «Спартак» Джованьоли, «Овод» Войнич и «Как закалялась сталь» Островского пришли ко мне одна за другой, в пределах одного послевоенного месяца, точно буря, сшибая наивные постройки детства, а я не жалел об этом. Строгие взрослые идеи входили в меня, внушая мысль, что все действительно честное дается лишь борьбой, что человек становится человеком, лишь сопротивляясь неправде, и что по-настоящему личность становится достойной, лишь одержавшая победу.

Не стыжусь мальчишеских слез, которыми одарили меня Спартак, Артур и Павка, ибо без очищения, без катарсиса в душе каждого растущего человека немислим поиск идеала, действие во имя совершенства — себя ли, жизни ли, тебя окружающей, потому как слезы эти — еще не взрослые, но уже и не детские — означают что не иное, как жажду цели и идеала.

Одно из самых органичных свойств юности — максимализм, и душа растущего человека жадно стремится к нему, горячо разрывая примеры целеустремленного применения максимализма во имя идеальных целей. Как бесконечно важно именно в этот час найти такую цель, и как болезненно тяжок максимализм бесцельный, максимализм размытый, не вошедший в берега целеустремленности и конкретности, — ведь тогда он обретает формы полудетского нытья, отроческой привередливости, полувзрослого недовольства всем и вся. Мне кажется, максимализм бесцельный, всеобщий вызывает у части современного юношества печальный разрыв между амбициями, общими претензиями и отсутствием личной целеустремленности. К разрыву между желаниями и трудом, которым достигается всякое желание. Николай Островский гениально продемонстрировал жизненную необходимость этой великой человеческой связи — максималистской, возвышенной цели с ее конкретным человеческим воплощением. Иными

ОЧИЩЕНИЕ

реалии, в которых действует герой, тем больше у нас возможности применить к себе, примерив на свой духовный облик, его поведение, поступки и мысли. Так что Павка в ту послевоенную пору был ближе ко мне и к моему поколению. Чуть позже, в старших классах мужской школы и на первых курсах университета, мы рассуждали о нем, как о живом, поверя втайне свои поступки его примером. И это была действенная проверка.

Мне кажется, что ныне, и сожалению, все чаще и чаще пример Павки в молодежных спорах и на уроках литературы звучит лишь только как хрестоматийный, академический, слишком уж идеальный образец, и не столько для реального подражания, сколько для разговоров.

Жаль, потому что в одном только романе «Как закалялась сталь» множество тем, звучащих одновременно, надо лишь книгу эту теперь не в лоб брать, не штурмом, не на абстракцию, чужимая на истовах Павки, но и великую человечность этой книги прочитывая, и простоту мужества обдумывая, и учиться распознавать по ней тяжкую власть мещанства — вспомним хотя бы первую любовь Павки. Что греха таить, мно-

голетнее «прохождение» классики вырабатывает свои схемы, свой стереотип, как правило, отбрасывая вроде бы второстепенное. Но все дело в том, что в великих книгах нет второстепенного, все важно, все требует повышенного внимания и углубленных раздумий. И вот что я еще заметил, если говорить о действии книги Островского на нынешнюю молодежь. Да, порой она звучит отвлеченно, непрактично.

Собственно говоря, в этом — величие великого. Книга Николая Островского не только формирует высокие коммунистические нормы, но и бесконечно воспроизводит их в реальных судьбах, практически созидает новую человеческую мораль.

Около двух десятилетий назад вместе с историком Виктором Шмитковым мне поспчастлилось принять участие в первопубликации как бы еще одного романа Ни-

не может быть идеальных героев, все, мол, мы грешны. Николай Островский был таким идеальным героем. Остается таким.

Творчество писателя, конечно же, индивидуально, но когда я думаю об Островском, никак не могу представить его в одиночестве. В моем воображении он всегда рядом с Шолоховым, Фадеевым, Гайдаром и теми, кто был старше по возрасту, но сверстником по духу нашей литературы тех лет, — Фурмановым, Гладковым, Се-рафимовичем.

Они стоят рядом в моем воображении, славная когорта тех, кому судьбой выпало возвести мощную крепость социалистической культуры, — ведь впереди была небывалая война и ее солдаты еще только предстояло вооружить нашим духом и нашей непобедимостью.

Сама суть творчества Островского, куда я решительно включую и письмо писателя, коллективистская, товарищеская, дружеская — в самом высоком смысле этого понятия, когда слова «мое» и «наше» относятся не к собственности, не к вещам, а к государству, к верности, к мысли.

Что мне дорого в личности Островского более всего? Более всего — святая убежденность в необходимости соответствия слова сказанного делу сделанному. Невозможность расхождения слова и дела.

Вот почему, мне кажется, надо печатать книги, в которых была бы собрана переплетка Островского с разными лицами. Романы Островского молодежь знает. Но трижды важно убедиться в том, каким этот человек был другим, как он был требователен к себе. Как не терпел фальши, сражался за справедливость, помогал в беде, сам нуждаясь в помощи и добросердечии.

Ведь подвиг Островского, полностью совпадавший с подвигом его героев, для нас — свод нравственных норм, забывать которые нельзя. Они способны возвысить сейчас и возвышат род людской в будущем.

Альберт ЛИХАНОВ

АРХИВ «ЛГ»

С ДРУЖЕСКИМ
УЧАСТИЕМ

Из переписки

А. КАРАВАЕВОЙ

с Н. ОСТРОВСКИМ

«...Ты не только мой редактор, но и друг, и от тебя первой я хочу узнать истину о начале книги», — писал в марте 1935 года Н. Островский А. Караваевой — ответственному редактору журнала «Молодая гвардия», человеку, к советам которого молодой писатель внимательно прислушивался в период создания романа «Как закалялась сталь».

Творческие связи писателей не прерывались и тогда, когда у Островского возник замысел нового романа — «Рожденные бурей». Его сюжет живо заинтересовал Караваеву. И с этого времени почти в каждом письме к Островскому она спрашивает: «Как подвигается... работа над романом о польской войне?» Анна Александровна твердо решает печатать «Рожденные бурей» на страницах журнала «Молодая гвардия».

Вот большой отрывок из письма писательницы, в котором анализируются первые главы этого произведения:

«Одно, самое первое, что для меня несомненно: роман обещает быть темпераментной вещью, большевистски-пристрастной вещью. Это хорошо. Я уже предчувствую множество столкновений этих двух враждебных миров, картины борьбы, примеры храбрости, трогательные и поразительные... все это очень хорошо для начала. Но кое-какие недостатки можно увидеть и сейчас. Не слишком ли много «замка», «будуарных» сцен, картин замковых приемов и выездов? Это не только потому, что главный упор твой силы и их художника на показ героев из мира угнетенных, а и потому

меня это беспокоит, что ото всех этих сцен отдает чисто литературным, книжным знакомством. Линия развития характера в отношении Эдварда выглядит куда более правильной. Только присматриваясь, как бы ОБЪЕКТИВНОСТЬ не выродилась в ОБЪЕКТИВИЗМ. Эдвард Могельницкий, надо полагать, один из самых мажорных представителей враждебных сил панской Польши — поэтому не забывая выражением снижать его. Вот у Толстого чиновник Каренин, петербургский бюрократ, снижается как образ при помощи чрезвычайно выразительных деталей: у него большие уши и тонкий голос. А добавь еще и этой корнетничей фигуре такие последующие детали, как неприятное похрустывание костями пальцев, любованье дорогим письменным прибором, и читатель, бьсь о заклад — ни один читатель уже не в силах полюбить такого героя. Придумай для этого красивого «аристократически-воспитанного» эксплуататора Эдварда какие-нибудь, пусть даже мелкие детали, которые вскрывали бы его внутреннюю объективную суть. Подумаю об этом — важно! Очень интересна сцена совещания в замке — это дело мне только кажется, что ты задушил ее немножко: в ней должны быть ярче (хотя порой и под спудом «вежливости») бурлить столкновения противоречия: шовинистические страсти, капиталистическая жадность, страх перед призраком революции, махизация церкви, боязнь друг друга, так как все продажны, начиная от «святых отцов».

Теперь о нашем мире, о пролетариях, крестьянах, солдатах. Вот сюда бы побольше красок, разнообразия тона, не доходя, однако, до сентиментальности... Помещик Могельницкий, встретясь с женой, переживает то, грубое и третье, — а почему так сера и суха встреча Раев-

ского с Ядвигой? Люди не выдвигались более 10 лет! Раевский суров на вид, но во всем видно, по замыслу твоему, это — глубоко и сильно чувствующий человек. Покажи это.

Сюжет. О напряженности и динамичности ничего пока не могу сказать — все только становится на место. Но вот что все же я заметил: нехорошо, что после совещания в замке действие перебрасывается в другую сторону. А ведь совещание в замке — один из поворотных пунктов, читатель не должен его забывать. Может быть, вот тут сразу и надо показать, как все эти молодчики ведут себя. А пока они готовятся, пролетарии и крестьяне возвращаются из окопов и в ответ на упреждающие приказы соединяют свои руки...

С коммунистическим и сердечным приветом. Анна Караваева».

Нужно сказать, что, работая над романом, автор учитывал эти советы.

15 ноября 1936 года на московской квартире Островского, по его просьбе, собрался президиум правления СССР. Собрался, чтобы обсудить роман «Рожденные бурей». Строго и доброжелательно обсудив новое произведение, участники совещания отметили возросшее мастерство его автора. Н. Островский увидел книгу — ее сигнал в декабрьские дни тридцать шестого он держал в руках и в эти минуты был счастлив.

Т. ДОСТУПОВА-КАРАВАЕВА